

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ЕВГЕНИЙ СУИМЕНКО,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Интеллект и действие

Мысль и движение — это две антагонистические силы.

Э.Дюркгейм

Abstract

The genre of article is a fragmented essay. It interprets the social sense of such elementary and opposite by their meanings principles of human life as intellect and action. As the author believes, the correlation and interaction of these principles in society may have two probable outcomes. On the one hand it may cause dying down of human actions in intellect. On the other hand it may provoke the human transition from 'prehistory' to the 'true history'. Finally, the author outlines the argument that alternatives of the social development are linked to Vernadsky's noosphere concept.

Предлагаемые вниманию читателей фрагменты, написанные в жанре эссе, являются продолжением опубликованных в свое время философско-социологических “россыпей” под названием “Феномен незнания, или Кое-что о просвещенном невежестве” (Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 3). Как и предшествующие фрагменты, они написаны в разное время, начиная с 1968 и кончая 2005 годом. Систематизация их довольно условна. Писались они главным образом в пору заносчивой молодости автора, и возможная ценность их состоит в том, что появились эти размышления по зову души и поначалу не предназначались для публикации. Завершающая часть этих фрагментов написана в настоящее время в качестве упорядочивающих их выводов и заключения.

* * *

В опытах Н.Ладыгиной-Котс, известной представительницы психофизиологической школы И.Павлова, есть любопытные наблюдения, позволяющие судить о том, что даже у взрослых высокоразвитых обезьян отсутствует абстрактное мышление. На виду у подопытной обезьяны “Рафаэль” в ящик тумбочки был положен банан. Тумбочку можно было открыть, только продевая палку определенной формы в отверстие такого же сечения, как и палка. Будь на месте “Рафаэля” сознательно действующий человек, он бы зрительно сопоставил все формы сечения палки (квадрат, треугольник, пятиугольник, окружность) с формой отверстия в ящике и легко бы открыл его, выбрав нужную ему палку и не производя никаких лишних движений. Но это *мыслящий* человек, умеющий отвлекать отдельные необходимые ему признаки от тех или иных предметов благодаря абстрактному мышлению. “Рафаэлю” хватило сообразительности лишь на то, чтобы открывать ящик при помощи палки, но не при помощи палки с *нужным* сечением. Он беспорядочно хватал то одну, то другую, то третью палку, пока не достигал цели, производя при этом *массу лишних и ненужных действий*.

* * *

Глупец, подобно обезьяне “Рафаэль”, бросается *делать* первое, что придет ему в голову. Он невпопад делает что-то, невпопад женится, даже улицу переходит, как дурак. Из всевозможных действий, которые он осуществляет, возможно, есть действия и целесообразные, но глупец никогда не возвысится до *выбора оптимального варианта действия*. Умный человек, прежде чем действовать, продельвает абстрактно, в голове массу воображаемых действий и выбирает оптимальный их вариант. Этот выбор означает познание, поиски, сомнения и, в конце концов, нахождение причин и следствий. “Дураки” в истории “топили Ивашку” или избивали мастеров. Умные, следуя за действиями “дураков”, доходили до причин социальных явлений — и подталкивали деятельных “дураков” к необходимому варианту действия. Интеллект и действие соединялись, как соединялись во взаимном дополнении умственный и физический труд. Поистине — “без глупых не было бы умных”.

* * *

Бунт и смирение разума. Интересные мысли у Бальзака — о Прометее и Фаусте. *Прометей* — борец, деятель; *Фауст* — интеллигент, действия у него подменяются поиском *смысла* действия. Прометей похищает у богов огонь для людей, не задумываясь над смыслом, целью, целесообразностью этого своего действия, над “высшим” его смыслом. Фаусту же важнее обрести *смысл*, чтобы *затем* перейти к действиям.

Это две философские концепции.

* * *

“Братья Карамазовы”. Односторонность Достоевского. Интеллект — злая сила, сила эгоистического, расчетливого приспособления. Страсть, действие слабы, но преисполнены нравственной силы. Интеллект = хитрая сила = зло; действие = слабость = добро.

* * *

Интеллект есть нравственная слабость (хитрость). В процессе производства и общения, когда у физически слабых людей обычные механизмы жизнеобеспечения (“самый труд”, объединение усилий, взаимоподдержка и т.д.) не “срабатывают”, эти люди пускаются на “обман” природы и друг друга — они “сваливают” выполнение своих функций на вещные элементы (орудия труда) или на других людей. Так рождается “задержанное действие”, интеллект. Рассудочность всегда ищет *посредника*, исполнителя, действует в *обход*, и поэтому она “аморальна”. Действие же самодостаточно и *прямолинейно*. Лень, обман, хитрость и другие эгоистические пороки — вот первооснова интеллекта! Интеллект и нравственность в своих полярных выражениях — вечные антагонисты...

Так в разъятом виде трактуется этот “вечный вопрос” Достоевским и Толстым. Но и они, в конечном счете, понимали драму диалектики: одно без другого не обходится и обе крайности плохи и нуждаются друг в друге.

* * *

В слабости человек силен как человек.

* * *

Действие ближе к животным свойствам человека, интеллект — к сугубо *человеческим*, социокультурным его свойствам. Это вполне понятно. Сложнее другое: осмыслить, осознать причины возникновения “хитрости разума” и механизм его действия. Очевидно, на определенной фазе эволюции животного мира участились такие “вызовы” природной среды, адекватные “ответы” на которые не могли уже иметь характера устойчивых стереотипов-рефлексов. Высшему звену животного мира в качестве таких “ответов” понадобились более сложные, “задержанные рефлексы”, а последние стали возможными при кодировании причинно-следственных связей всей совокупности необходимых для выживания действий. Так появилась речь в качестве устойчивого кодирования этих связей и в качестве сигнала, возможности обмена информацией между особями стада. “Задержание” стало атрибутом социального образа жизни, стало возможным благодаря ему, а социальный образ жизни обрел механизм своего воспроизводства и развития в виде феномена “задержания” (или “фиксации”).

* * *

Социальная жизнь в отличие от животной характеризуется тем, что в ней побеждают биологически *слабые* — в конечном счете и посредством *интеллекта* (*sapiens*). В животном мире действует жестокий естественный отбор: перед разрушительными силами природы и более сильными конкурентами-видами выживают только сильнейшие, слабые — гибнут (этот же механизм действует и в сфере размножения, в сфере поддержания “устойчивости системы”, когда более сильные самцы отторгают слабых). Поэтому животное царство “безнравственно”, а природа здесь — сплошная “жестокость”. В человеческом мире *биологически* поверженный находит спасение в интеллекте (в духовности, мышлении) — и он не только не погибает, но обретает новую, *человеческую* силу. Поэтому человеческий мир эволюционирует в сторону “нравственного” мира, мать-природа становится здесь все более “доброй” —

хотя и не прощает ущемляющих ее экологических грехов своих детей, — а устойчивость системы достигается иными, человеческими средствами.

* * *

Робость, смущение, сомнение остерегаются действий, являются их *задержанием*, а значит — ценностью, культурой, то есть истинно человеческими свойствами. От них — *тормозная доминанта*. От них, в первую очередь, и интеллект. Но в них содержится и большая *опасность* бесконечного интеллектуального “задержания”, пассивности. Психологическая основа действия — воля (воление). Психологическая основа интеллекта — сомнение. Воля подавляет сомнение, сомнение подрывает волю. Воля стремится к абсолютному, сомнение во всем видит относительное. Воля огрубляет знание, она — *положительное* в познании (“утверждение”). Сомнение разрушает догмы, делает шаткими истины, оно — *отрицательная*, негативная сила познания. В научном познании равно необходимы и воля, и сомнение. От воли — практическая ценность знания и направленность познания, его избирательный характер, от сомнения — интеллект, рассудок, эвристические поиски.

* * *

Трагедия властных натур заключается в том, что, будучи властными, они неизбежно сталкиваются в жизни с неподвластными им силами. Они не привыкли отступать. Они идут напролом всегда и везде — и, встречая мощное противодействие, либо преодолевают его, либо гибнут сами. Там, где осторожные и вдумчивые люди готовы уступить, подождать, потоптаться на месте или пойти на компромисс, властные натуры не способны на это. Их удел — или побеждать, или погибнуть. Частые победы подрывают их силы, ибо не даются без борьбы и адского напряжения сил, так что в один прекрасный день они оказываются поверженными каким-нибудь случайным ничтожеством. Победы чреватые для них поражением, а поражение тем страшнее для них, что их власть не оказалась всемогущей. И в том, и в другом случае участь их трагична.

* * *

Сила — преобразует, слабость — созерцает. Сила — наука, слабость — искусство. Из слабости созерцания и смирения (“задержания”) рождается инструмент силы — абстрактное мышление, воображение, активность разума, превращающиеся посредством институтов науки в реальную силу преобразования мира. Из силы преобразования рождается слабость смирения перед “новой” открывающейся бесконечностью мира и его абсолютной неодолимостью. Одно дополняет и обуславливает другое.

* * *

“Фиксация”, “задержание” как атрибут человеческой жизни. Гегель выделяет два рода отношений: *негация* (разрушение, уничтожение предмета в акте потребления) и *задержание* (сохранение, сбережение). Почему-то эти два типа отношений совершенно выпали из поля зрения наших философов и социологов. Животное *только* негативирует, человек негативирует, но и “задерживает”. (Лев никогда не станет любоваться антилопой перед тем как сожрать ее, а человек, залюбовавшись, может “задержать” ее — не убивать. Такие случаи широко известны из истории охоты.) Поэтому “задержание”

(=“фиксация”) — важнейшее свойство *человека*, его социально-культурной природы: ведь чтобы познать ту или иную вещь, нужно “остановить” её, прервать её движение, *сосредоточиться* на ней (характерно, что *ощущение* к нам приходит *сразу, мгновенно*, для *восприятия* необходимо *какое-то время*, пусть даже самое непродолжительное, а для *осмысления*, познания, *понимания* — много времени, даже *целые годы*). Это как прокручиваемая кинолента в руках детектива: когда какой-то фрагмент представляется важным для него, он говорит: “Стоп!” и *останавливает* ее, долго рассматривая, изучая определенный кадр. “Задерживая” в своем восприятии или представлении мир, человек *познает* его — и не только изучает, но и получает от этого наслаждение. Акт познания не только научен, но и эстетичен.

* * *

Негация и *задержание* в человеке. Отсюда и логика его развития: чем больше в человеке скотского, животного, тем больше он негативирует, разрушает, и чем больше социально-человеческого, тем больше он “задерживает”, “фиксирует” и “сохраняет”, то есть преобладание познавательно-эстетического момента (искусство, наука, культура) является индикатором *человеческого* в людях. Однако “задержание”, “фиксация” и связанное с ними “сохранение” не сводятся к познавательным и эстетическим, а также морально-этическим отношениям. Эти понятия шире и более емки: ими объясняется сущность *интеллекта* как “остановленного”, или “задержанного” в абстракции движения. Не обладай человек свойством фиксации (способностью “останавливать мгновения”), он бы имел перед собой то, что имеет животное — абсолютную и непознаваемую текучесть без прошлого, настоящего и будущего.

* * *

Характерно (и неслучайно!), что древние обставляли понимание интеллекта, мудрости, ума символами *спокойствия* и *неподвижности*, то есть “задержанного действия”: мудрость неподвижной змеи, мудрость пребывающей в тишине ночи совы (сова Минервы прилетает в полночь) — отсюда застывшие позы йогов-мудрецов у древних индусов и т.д.

* * *

Деятельная глупость и *пассивный* интеллект имеют под собой глубокие онтологические основания — активность, полагающую имманентные качества “самости”, самоценной субъективности, и пассивность, отражающую все внешние воздействия и не проявляющую своей природы, своего качества, своей субъективной “самости”.

* * *

Подобно тому как “труд угасает в товаре”, действие угасает в интеллекте. Но и интеллект способен взрываться действием, переходить в него в подходящих для этого условиях. В историческом процессе наблюдаются и те и другие возможности — возможность угасания действия в интеллекте и возможность деятельного “взрыва” этого последнего.

* * *

Интеллект двояким образом “превращается” в действие — путем непосредственного перехода в действие индивида, в *человеческое* действие и пу-

тем опосредованного машинами (техническими устройствами) перехода к *экзотеризированному* действию, когда вместо человека “действуют” машины за счет энергии природы и когда возникает эффект “движущейся статистики” человеческого организма.

Сытая тварь и равнодушный робот

Равнодушие имманентно чистому познанию. Поэтому *только* познавательное отношение к миру омертвляет человека — лишает его субъективности, экзистенциальности. Абсолютность познания — абсолютное самоотчуждение [у А.Платонова: “Научный человек был мертв”; см. также “Колыбель для кошки” К.Воннегута]. Неслучайно логика, мышление могут быть экзотеризированы, перенесены во вне, отчуждены от человека, существовать как некий аналог их, в то время как чувствующей, “страдающей”, “радующейся” или “плачущей” машины быть не может.

* * *

Если абсолютная экзистенциальность — сытая тварь, то абсолютная познавательность — бессердечный робот или “логически мыслящая машина”.

* * *

Сытую тварь и бездушного робота можно встретить часто. Холодный умник-интеллектуал — столь же обыденное дело, как и румяный дурак-здоровяк. Редко экзистенциальность соединяется с познавательностью, но, сочетаясь, они рожают высшую человеческую ценность — *мудрость*. Мудрость есть высший синтез бытийности (любви, страдания и всех других составляющих экзистенции) и познавательности (холодного и беспристрастного интеллекта, логики). Это такой органичный сплав, при котором экзистенциальность приобретает разумность, самое совершенное свое проявление, а познавательность становится максимально эффективной, обращенной в сторону решения самых жгучих социальных, человеческих задач. Если же говорить коротко, то *мудрость есть страдание, претворенное в мысль*, а также мысль, заставляющая человека страдать и действовать. История знает много умных людей, но большая часть их были и остаются либо роботами, либо злыми гениями.

* * *

Интеллект и действие как взаимодополняющие противоположности, каждая из которых компенсирует недостатки или пороки другой, прирастают в конечном счете из биосоциальной двойственности человека.

Интеллект: pro et contra

Интеллект просчитывает всевозможные варианты действия, он может двигаться в идеальном пространстве в разные стороны — он *свободен*, и ничто ему не мешает. В отличие от него действие всегда единонаправлено. Не зря же гласит старая английская поговорка: на одном и том же коне в одно и то же время нельзя скакать в разные стороны. А вот для интеллекта, как для сказочного Тянитолкая, это фактически возможно! И в этом его преимущество. Преимущество его и в том, что, имея дело не с реальным движением, а с его

имитацией, к тому же в абстрагированной, идеальной форме, интеллект освобожден от реальных ограничений или запретов (можно запретить какое-либо реальное действие, но нельзя *запретить думать* тем или иным образом!).

* * *

Человеческая мысль в короткие промежутки времени может двигаться в совершенно разных, зачастую противоположных направлениях в поисках выхода из положения, оптимального варианта или приемлемого решения. Эти поиски, зигзаги, повороты мысли могут осуществляться как в индивидуальном, так и в коллективном (коллегиальном) мышлении, социальная технология которого основывается на известном принципе — “в споре рождается истина”.

Совершенно другое дело — конкретное человеческое действие, идет ли речь об отдельном человеке, группе или массе людей. Действие лишено возможности столь же быстро во времени и столь же результативно по совпадению плана и исполнения осуществляться в том или ином социальном пространстве. Оно по своей *физической природе* не способно в одно и то же время (или в ограниченное время) “скакать в разные стороны”, быстро меняться и перестраиваться, согласовываясь с другими действиями. Оно ограничено в возможности взаимосогласования отдельных действий отдельных индивидов — в пространстве и во времени, поэтому редко бывает (или вообще не бывает) оптимальным. Отсюда — “иррационализм” реального исторического процесса, его непросчитываемость во всех эмпирических деталях, отсюда неспособность его тотчас же подчиняться “синтезу” теоретических прогнозов или доктрин, их “вектору”, тому, что сравнительно легко доступно человеческой голове и редко — человеческому (общественному) телу. Этой-то нестыковки интеллекта и действия, этой невозможности “синтезировать” в разумный, рациональный и нередко кажущийся столь очевидным оптимум совокупные человеческие действия никак не хотят понять наши сверхумные интеллектуалы-мещане. Зато эту нестыковку (как невозможность стыковки) хорошо осознают умные практики, умные политики, умные люди дела, наконец, умные ученые. На место утопических построений головы, на место великодушных по исполнению моделей они ставят необходимость вполне определенных, односторонних, конкретных и *единонаправленных* действий. В критические времена истории сама объективная общественная потребность в таких, именно односторонних действиях выдвигает на авансцену сильных, умных и *волевых* людей, которые творят историю как бы по “голосу свыше”. Умник Горбачев, поправ все каноны эффективной политики, решил было скакать в разных направлениях: “развивать дальше социализм” и одновременно протаскивать в него капитализм. Лихо оседлав Тянитолкаю, взятого им напрокат из детской сказки, он принялся скакать на нем в разные стороны, то есть топтаться на месте. Что из этого получилось, всем хорошо известно.

* * *

Единонаправленность способствует кумуляции энергии движения, о чем свидетельствуют периоды “общественных подъемов” и “взлетов”, когда человеческая энергия, попадая в узко заданное русло *единонаправленности*, творит чудеса: Петр Великий, который “вздыбил Русь” и “прорубил окно в Европу”; Иосиф Сталин, который “принял Россию с крестьянской сохой и оставил ее с атомным оружием” (какой ценой — это другой вопрос). Это как

текущая масса воды: в узком каменистом русле она стремительна и всеограшающая, в расширяющемся — постепенно утихомиривается и, наконец, широко разливаясь в пространстве, превращается в стоячую лужу, на которой можно сонливо дрейфовать “в разные стороны”.

* * *

Интеллект обуздывает действие. Как обузданное действие он гасит “животные страсти” — эту непосредственную основу действия. Чем больше в человеке “животных страстей” (страсти действия), тем большей силой интеллекта он должен обладать, чтобы обуздать свои страсти. Этим, очевидно, объясняется тот давно замеченный факт, что гениальные мыслители носили в себе усмиренные “дикие страсти” (Сократ, Дидро, Вольтер, Бальзак, Чернышевский etc.), то есть за их интеллектом стояла страшная стихия страстей и чувственности.

В этом плане интересен анализ фрейдизма, того, как он трактует “невротизм”. Фрейд видит только негативную сторону этого обуздания страстей — подавление, но совершенно игнорирует позитивную. Отсюда его неверный вывод, что всякий выдающийся мыслитель — невротик. Все дело в *мере* подавления, которое, к тому же, приобретает индивидуальные (характерологические) формы.

* * *

Интеллектуальная деятельность есть физическая деятельность на микромоторном уровне. Поэтому статическое состояние организма ученого или писателя, целый день просидевшего за работой, и статическое (гиподинамическое) состояние организма сибарита, просидевшего целый день в праздномыслии, — далеко не одно и то же. У первого работают *все* мышцы, модифицировано вовлеченные в целостный напряженный и последовательный мыслительный процесс, у второго — никакого *труда*. У первого — ощущение приподнятости, физической бодрости, “утомления” мышц, у второго — вялости, разбитости. У первого — потребность в физзарядке, стимул к движению, у второго — антипатия к какому-либо движению.

* * *

Хитрость и ум слабого повергают ниц бесхитростных силачей и красавцев-исполинов. Интеллект побеждает: это стихийно почувствовали еще древние греки (впервые, когда возник “чистый” и совершенный интеллект) в форме мифологии: борьба Богов и Титанов. Но тогда же родилось и понятие гармонии интеллекта и действия — *богочеловеки*.

* * *

Когда действия по преодолению препятствий на пути к цели становятся невозможными или невыполнимыми, появляется всемогущая *мысль*! Действие через пассивность (смирение) приходит к мышлению, способному вызвать такое действие, перед которым рушатся все преграды.

* * *

Недостаточность многоцветных и живительных действий современных людей — особенно в век большой интеллектуализации — компенсируется имитацией этих действий благодаря социальному образу жизни, когда с по-

мощью искусства и социальных коммуникаций мы “присваиваем” эти действия и принимаем образ *человека действующего* — так интеллект “вбирает” в себя, поглощает те мощные по меркам затрат энергии чужие действия, которые фактически недоступны маломощному человеку. И в этой имитации человек возвышается над собственной индивидуальностью, идентифицируя себя с другими, то есть становится *человеком социальным*. (А ведь благодаря *имитациям* слабыми особями стада действий сильных особей у гоминидов начал развиваться социальный интеллект!)

* * *

“Задержание” сложных конфликтных ситуаций и действий осуществляется в форме споров, дискуссий или дебатов, обсуждений с последующими компромиссами и консенсусами и, наконец, обоюдодоприемлемыми решениями. В этом “задержании” действия может произойти его затухание, смерть; может произойти нахождение оптимального варианта действия, но, может случиться, — всплывает на поверхность неожиданное эффективное действие.

* * *

“Если зло растет в обществе, а трусость и подлость закрывают перед ним глаза или рабски аплодируют ему, — тогда разумному, сознательному, но бессильному деятелю остается отойти от этого омута в сторону... когда может. Его силы недостаточны, чтобы остановить общественное зло даже в малейшей его доле, но он по крайней мере не приложит их к продолжению и усилению зла” (Петр Лавров).

* * *

Высочайшее преимущество интеллекта перед действием состоит в том, что он всегда свободен (отсюда ориентация интеллигенции на “свободу и демократию” даже в неподходящих для этого условиях). Перед ним нет преград и у него нет оков, кроме собственной ограниченности, тогда как действие всегда ограничено в своих возможностях внешними обстоятельствами и условиями. Вот почему люди интеллекта всегда свободны — даже сидя за решеткой, — хотя эта свобода и может оказаться призрачной, и поэтому могут быть всегда счастливы, ибо никакая внешняя сила не способна остановить мысль. Люди действия часто расшибают лбы о неизбежные преграды и тупики и поэтому редко бывают счастливы, полагая, что весь мир состоит из несчастий. Постоянное нытье и жалобы — удел деятельных глупцов и ограниченных людей, коими полон наш человеческий мир. Человеку ума жаловаться некому, да и незачем.

* * *

Только *в духе*, интеллекте способна воспроизводиться *внутренняя напряженность* человека (беспокойство и неустроенность, стремление к бесконечному самосовершенствованию) даже в условиях, предрасполагающих к комфортности и сибаритству; все остальное — сытое материальное благополучие — лишь основа для деградации и растрепания. Эта способность означает *культуру*, в ней спасение от роскоши и пресыщения.

* * *

Продолжая мысль о победе *слабости* (биологической) как победе интеллекта над физическим действием, как победе чисто человеческого, социального фактора, можно найти объяснение и такому явлению, как право на жизнь уроды, кретина, дауна (биологически неполноценных людей). Если в Древней Спарте убивали хилых и безнадежно больных детей — и это было “естественным отбором”, то в современном цивилизованном обществе метод подобной селекции невозможен, потому что он осужден *человеческой* силой — духовностью, моралью. Кто пытается или пытался бы возродить спартанские обычаи, — тот фашист.

* * *

Нормативное мышление ученейших социологов! Любую банальную мысль оно переводит на язык монографии или диссертации, в то время как иной здравый смысл далекого от науки “простого” человека, очень близкого к эмпириям жизни и ее животрепещущим проблемам, дает и может дать во стократ больше дельных мыслей и подмеченных им фактов, достойных новых знаний и “научных концепций”. Но такого человека ученейшая чванливая знать и на порог науки не пустит, объявив его “шизиком”.

* * *

Сила и слабость, благо и зло интеллекта зависят от того, кто является его субъектом-носителем, в какой исторической ситуации и в какой социально-классовой форме он пребывает. Но во всех случаях объем и значение его в человеческом обществе возрастают. Сегодня интеллект состоит на службе материальных интересов людей. Но близок час, когда легко реализуемая возможность их полного удовлетворения приведет к выходу на первый план *духовных* интересов, удовлетворение которых принципиально суживает объем и размеры материально-производственных затрат (на смену доминанте негации приходит доминанта “сохранения”) и способствует регенерации природного мира, предотвращающей экологическую смерть планеты. *Чистый* интеллект как “задержание” материальных изменений мира, не позволяющий вмешиваться в его естественные циклы, сослужит здесь важнейшую гуманизирующую роль. Он *уменьшит* разрушительную силу действия (а) и *направит* это действие в “сохраняющее” русло (б).

* * *

Интеллект *отражает, рефлектирует* в логике понятий реально существующие свойства, качества, сущность того или иного действия (объекта), но он же и *творит* то новое в моделях и схемах, что создает в конечном счете “вторую природу”. Продукт рефлектирующего интеллекта — *открытие*. Продукт творческого интеллекта — *изобретение*. Через творческую силу интеллекта совершенствуется мир — природный и социальный.

* * *

Экстравертность и *интровертность* интеллекта. И то и другое присуще ему, но есть исторические эпохи и социальные ситуации, которые вызывают преимущественно одно из этих состояний. Интровертность может замыкать духовность на самой себе, на личностном или групповом уровнях жизни ее

субъекта (отшельничество, сектанство, декадентство) в те времена и в тех ситуациях, когда рефлексия и саморефлексия человека представляют собой “спасительную” реакцию на безысходность и выполняют психотерапевтическую роль: “*Лишь жить в самом себе умей — есть целый мир в душе твоей таинственно-волшебных дум*” (Ф.Тютчев). Экстравертность привязывает интеллект к практическим нуждам, к материальному действию, ограничивая его рефлексию и делая его избирательно направленным, чему противится его природа вольного парения над миром. Интеллект *в науке* и интеллект *в искусстве*. Последнему больше свойственна функция “задержания”.

* * *

Безудержно рефлексирующая интеллигенция. Слова... Слова... Слова... И массовая антипатия к реальному действию (обломовщина). Но “слова поэта — суть его дела!” К гегелевскому: “Речи суть действия, происходящие между людьми” Ленин добавил: “Следовательно, эти речи — не болтовня”. Слово слову — рознь. В напумевшей в свое время абсурдистской пьесе Эжена Ионеско “Носорог” в философско-аллегорических сценах представлен страх интеллигенции перед необходимостью практического действия — борьбы с фашизмом (“оносороживанием”). Процесс “оносороживания” идет незаметно, охватывая, казалось бы, его явных и решительных противников. Писателем тонко схвачено: кандидаты в мерзавцы раньше порядочных людей замечают приближение мерзости, гуманность — слепа, вернее, видит вокруг себя только доброе; мерзавцы ранее других кричат и протестуют против мерзости, чтобы затем ей покориться. Беранже, главное действующее лицо, обычный человек, к тому же пьяница, позже всех других замечает приближение Носорога, в то время как крикуны-протестанты, выступая против, незаметно “оносороживаются”, то есть покрываются носорожьей кожей, и у них вырастают хищные рога. Главные герои — Жан-моралист, Логик, философ Дюдар и другие — боятся обрасти носорожьей кожей и обрести рога, которые появляются в обход желаниям, ибо процесс “оносороживания” происходит подсознательно (*наши мысли от нас не зависят!*). Вот квинтэссенция всей пьесы: растерянная интеллигенция стремится подменить действие анализом, пытается оправдать отсутствие действия “логичностью” происходящего, признанием его неизбежной “закономерности”.

Дюдар: *Смиритесь с фактом и не думайте о нем, раз оно так случилось, значит иначе и быть не могло.*

Беранже: *Это уже фатализм.*

Дюдар: *Нет, мудрость. Если какое-то явление происходит, значит, на то имеется и причина. Вот эту причину и надо искать.*

Беранже (вставая): *Ну, а я не желаю мириться с таким положением.*

Дюдар: *А что вы можете сделать? Что вы намерены предпринять?*

Беранже: *Я пока еще не знаю.*

“Философия” Дюдара: “Мне кажется, дорогой Беранже, всегда надо пытаться понять. А если хочешь понять какое-нибудь явление и вытекающие из него последствия, нужно приложить усилия и, честно покопавшись, добраться до его причин. И надо во что бы то ни стало постараться это сделать, потому что мы — существа мыслящие. Мне это повторяю, не удалось, и не знаю, удастся ли. Но, во всяком случае, подходить к этому надо с какой-то более или менее благожелательной позиции или, по меньшей мере, без всякого предубежде-

ния, с полной готовностью идти навстречу, что в сущности и характеризует научное мышление. Все это логично. Понять — значит оправдать”.

Оправдание фашизма состоялось (“Кто это может знать, где зло, а где добро?”).

Когда “Логик стал Носорогом”, Дюдар сказал: “Если, как говорите, он был настоящим мыслителем, он должен был взвесить все “за” и “против””.

Подмена действия анализом “всех за и против” приводит, как правило, к оправданию мерзости и предательства, обставленному логическими основаниями. Но дело еще и в другом: верх одерживают рефлексия и дискурс в качестве профессиональных привычек (говоря о статистике однорогового и двурогового “оносороживания”, Дюдар с восторгом восклицает: “Вот будет материал для ученых споров!”).

Страх перед борьбой, насилием отвращает “интеллигентных людей” от героизма, об “безумства храбрых”. В борьбе, революциях и войнах они видят нечто иррациональное, не поддающееся логическому обоснованию. В представлении таких людей антиподом интеллекта является не действие, не те условия жизнедеятельности, которые он должен преобразовать, а некие гнездящиеся в человеческой психике мистически мрачные слои подсознательного, иррационального и ужасного, угрожающего жизни людей. Такая рафинированная “интеллигентность” всегда оплевывает героизм и самопожертвование: “К чему бороться, если мы бессильны что-либо сделать...”

* * *

“В жизни каждого народа бывают такие моменты, когда слово *благоразумный* является синонимом слова *трус* и когда благоразумным считают лишь раболопно написанное произведение” (Гельвеций).

* * *

Если послушать некоторых наших словообильных интеллигентов, то создается впечатление, что существующий человеческий мир — это дискуссионный клуб, а весь смысл, все содержание человеческой жизни заключается в “свободе мнений”, “обсуждении”, “терпимом отношении к инакомыслящим”, “праве на собственное мнение” и т. д. И как будто нет в мире “социальных антагонизмов”, “конкуренции”, “классовых интересов”, “объективных противоречий” как исторических реальностей, а не как теоретических, книжных, не пахнущих напалмом и порохом абстрактных категорий!

* * *

Достоевщина, прославляемая невротиками, интеллектуалами, засидевшимися в комнатном спертom воздухе *чистого духа* и бросившимися искать спасения в безрассудной животной деятельности. От “чистого” рационализма — к животному “иррационализму”. Вот перлы Федора Михайловича: “Чем менее сознает человек, тем он полнее живет и чувствует жизнь. Пропорционально накоплению сознания теряет он и жизненную способность. Итак, говоря вообще: сознание убивает жизнь”; “Э, да все это философия! — говорят иногда люди и говорят правду, глубокую правду. Замечательно, что эта поговорка существует у всех цивилизованных народов. Как люди свежие, не покалевшиеся мыслью, они не могут без смеху смотреть, как сознание нам хотят выдать за жизнь. Но сознание идет иногда еще дальше и еще смешнее: это когда оно хочет заменить жизнь теориями о ней, основанными на знании, прямо

вытекающими из знания”; “Сознание — болезнь. Не от сознания происходят болезни (что ясно как аксиома), но само сознание — болезнь”.

Но сознание (интеллект) сознанию (интеллекту) — рознь. Есть сознание, как монада, — “окнами вовнутрь”, сознание ради сознания как нескончаемая и омертвляющая человека саморефлексия. И есть сознание, обращенное к действию, предваряющее действие и наполняющее его большим созидательным смыслом.

Буриданов осел интеллекта

Диалектика “примирения” и “уравновешивания” против диалектики действия: “с одной стороны..., но с другой стороны...” А еще: с третьей, четвертой, пятой и т.д. И все истинно, и все правильно, и все взаимоуравновешено спекулятивными противоположностями-дополнениями. Но в этой спекулятивной все примиряющей диалектике нет жизни — она мертва и неподвижна.

* * *

“Малодушие располагает к нерешительности и, следовательно, к тому, чтобы упускать случаи и подходящие поводы действовать. В самом деле, если, взвесив все обстоятельства, до того как наступил момент действовать, люди все же не уяснили себе, как лучше всего поступить, то это доказывает, что разница между мотивами в пользу одного и другого образа действия невелика. Вот почему не решаться при таких условиях — значит упускать случай из-за взвешивания мелочей, что является малодушием” (Т.Гоббс).

* * *

Состояние растерянности и неопределенности — у интеллигенции как реакция на проблемные ситуации, требующие *решения*. Интеллигент не любит решать практических задач (очень часто из-за страха *ошибиться*) — отсюда и масса тех частных случаев, с которыми приходится сталкиваться (скажем, состояние холостяцкой жизни, страх перед женитьбой: “это вопрос сложный”, “ошибка может дорого обойтись” и т. д.).

* * *

Самое мучительное и страшное для интеллекта — это проблема выбора взаимоисключающих действий, когда усредняющий и “примиряющий” их “синтез” невозможен. Рефлексия здесь может дойти до бесконечности, вызывая “эффект Буриданова осла”.

* * *

“Эффект Буриданова осла” возникает чаще всего в годы революционных потрясений, революционных войн, во времена которых смятение умов чистокровной интеллигенции заставляет ее решать принципиально неразрешимые для нее вопросы: к кому пристать? к каким силам примкнуть?

* * *

В романе Робера Мерля “За стеклом” описываются революционные события 1968 года в Сорбонне. Студенческие восстания загнали преподавателей в тупик: за кем идти? чью сторону принять? Студентка Жозетт Лашо, считавшая профессора Фременкура своим кумиром, с горечью признается:

“Раньше Фременкур был моей великой любовью, он мне казался таким забавным, полным жизни, презрения ко всяким установлениям, “истэблшменту”, но и он в сущности одержим профессорской манией: ему непременно нужно проанализировать все проблемы в их взаимосвязи, а после такого рода анализа обнаруживается, что нет необходимости в действии”. Говоря Жозетт о плане захвата студентами университетской башни, Фременкур убеждает ее не делать этого: *“Поймите, подобная акция имела бы смысл (!) только в том случае, если бы вы действительно взяли власть в свои руки. Однако как вы сами отлично знаете, это исключено, вы не можете учредить в Нантере прелестный социалистический рай посреди капиталистического ада...”* На что Жозетт раздраженно отвечает: *“...С вашими анализами никогда не сдвинешь-ся с места”.*

Вечный аналитик — Буриданов осел.

Другой герой романа Мерля Дениз осуждает за выжидательную тактику коммуниста Жоме: *“Я заранее знаю все, что он мне скажет, ... я все это наизусть помню: “Объективные условия для восстания еще не сложились”.* Я нахожу эту формулу восхитительной! Она кажется такой научной и компетентной, и она заранее оправдывает любую пассивность. Прежде всего, каковы они, эти пресловутые “объективные условия”? Существовали ли они во Франции в 1789-м? В России в 1917-м? В Китае в 1934-м? В 1957-м — в Сьерре, откуда начинал Кастро? Вопрос: а если попытаться их создать, эти условия? Вместо того, чтобы ждать, пока они сами каким-то чудом создадутся”. Тут есть над чем порассуждать и, порассуждав трезво, можно прийти к определенным выводам.

Итак, есть во всех случаях и на все случаи жизни сверхосторожные и трусливые бесконечные “анализы” — позиция Буриданова осла; есть реально просчитанные шансы на успех или обоснованные риски — проявление интеллектуальной воли, завершающейся действием; и есть безрассудные, импульсивные чаще всего действия с непредсказуемыми последствиями. Первая позиция заслуживает беспрекословного осуждения. Вторая может быть вполне приемлемой — и в случае обусловленного расчетами действия, и в случае оправданного обстоятельствами воздержания от него. Третья во всех случаях героична, хотя далеко не всегда достигает цели и по-разному оценивается: одни видят в ней беспочвенное донкихотство, другие — трагизм первопроходцев (“Досвітні огні”).

Действие: pro et contra

В деянии начало бытия. И хотя человеческому деянию предшествует “архитектура” построенного в голове дома, оно все же первично — и в онтологическом (генетическом), и в гносеологическом смысле. Человеческие действия сформировались на основе животных действий, во-первых. Во-вторых, не каждое человеческое действие по своему содержанию может быть исчерпано предшествующей ему мыслью — оно богаче, разнообразнее и шире.

* * *

Как нельзя одновременно двигаться во многих направлениях, точно так же нельзя практически существовать в реально всеобщем, быть “во всем”, быть всепоглощающей реальностью. Надклассовость, аполитичность, “существование во все века” — это самооправдательная иллюзия, ибо такая по-

зияция оказывается перед альтернативой: либо существовать “во всем” и парить над миром — и тогда ты обрекаешь себя на пассивную созерцательность, на исключение себя из движущихся в различных направлениях потоков исторической реальности; либо участвовать в одном из общественных движений — и тогда ты по неизбежности включаешься в политическую жизнь (распри, борьбу, конкуренцию), независимо от того, пишешь ли ты стихи, варишь сталь или лечишь людей. Человек — существо деятельное, а значит обладает *социальной определенностью*, и включенность его во всеобщее всегда относительна и всегда сопровождается *состоянием двойственности*: идентификация себя со всеобщим, общечеловеческим и идентификация себя с тем политическим движением, с тем фрагментом всеобщего, к которому ты ближе всего находишься и в которое ты врос корнями. Состояние этой противоречивой двойственности — извечная драма лучшей части интеллигенции, людей большого полета.

* * *

В определенных ситуациях должно стремиться не к *пониманию*, а к *действию*. Попытка действие компенсировать пониманием (а точнее — отсутствием действия оправдать стремлением к пониманию) есть самая отвратительная форма апологии действительности.

* * *

Говорят, на сабле Шамиля были выгравированы слова древней восточной мудрости: “Тот не герой, кто думает о последствиях”. Наполеон исповедывал принцип: “Главное — ввязаться в битву, а там будет видно...” Эти установки людей действия исходили из той посылки, что последствия действий принципиально непредсказуемы. И в этом есть большая доля истины. Дело в том, что действие — как сама жизнь, как практика — всегда богаче “моделируемых” его последствий: не все конечные его результаты просчитываются или способны быть просчитаны логическим мышлением, которое принимает во внимание наиболее вероятные, стандартные случаи и не способно до конца учесть того варианта, который является “непредвиденным”, неподвластным никакой аналитике и прячется в бесконечности мира. Отсюда и “безумство храбрых” как мудрость жизни.

В фильме советских времен с глубоким философско-психологическим подтекстом “Лебедев против Лебедева” во главу угла поставлена эта версия принципиальной непредсказуемости действия. Привыкший к рефлексии, все и всегда “взвешивающий” герой фильма молодой ученый Лебедев часто попадает в такие сложные ситуации, активное вмешательство в которые чревато для него “ужасными последствиями”. И во избежание таковых он предпочитает бездействовать, “не вмешиваться”, что в конце концов обрекает его на моральное самоистязание. Двое дюжих молодых людей нагло пристают в троллейбусе к молодой женщине. Благородное возмущение закипает в душе Лебедева, но... он ничего не может поделать: эти два здоровяка наверняка сильнее его. И воображение Лебедева рисует ему сцены страшных последствий: эти двое выбрасывают его из троллейбуса с выбитыми зубами, с синяком под глазом под недовольный гул пассажиров, которые тоже ничего не могут поделать с распоясавшимися хулиганами... Нет, лучше, потупив глаза и сцепив зубы, не замечать, ни во что не вмешиваться. Но долго продолжаться эта самоизнурительная рефлексия не могла. В душе Лебедева

вызрел бунт против Лебедева. И спустя какое-то время сцена в троллейбусе повторилась в ином варианте, с иными последствиями. Когда какие-то новые двое начали развязно приставать к девушке, Лебедев вдруг зычным и властным голосом крикнул: “Сейчас же оставьте ее в покое!” И произошло непредвиденное: юные хулиганы обмякли и, невнятно пробормотав: “Подумаешь, и пошутить уже нельзя...”, быстро ретировались...

Воистину, тот не герой кто думает о последствиях.

* * *

Страсть потому и страсть, что она всегда энергично сконцентрирована и единонаправлена. Нельзя в одно и то же время испытывать две страсти.

* * *

Мера действия и мера интеллекта. Очевидно, тот чиновник, блюститель правопорядка, который сказал начинающему революционеру: “Против чего вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена!”, — был незаурядным человеком, признававшим неразумность действия против массивной стены, подавляющей силы. Но действие оказалось разумней интеллекта. Отсюда — и нравственный аспект:

Твердили пастыри, что вреден
И неразумен Галилей.
Но, как показывает время:
Кто неразумней, тот умней

(Е.Евтушенко).

* * *

Почему среди руководителей мало мыслящих, умных, интеллигентных людей? Возможно, потому, что умные люди, когда они приходят к руководству, сталкиваются с необходимостью неизбежных мгновенных действий, осуществлять которые мешает им их собственная рациональность. Рациональность предполагает во всем порядок, стройность, логическую связность, а предмет управления (системы, люди, коллективы) часто обнаруживает ту иррациональность (рассогласованность, противоречивость, неопределенность), которую легко замечает человек умный и мыслящий и не могут ни заметить, ни глубоко осмыслить люди посредственные. В случае явного несоответствия между стремлением во всем видеть порядок и логичность, создавать их самому и фактической неуправляемостью, “непослушностью” объекта управления умный руководитель или предпочитает уйти со своего поста, либо терпит неминуемый крах от собственного бессилия (обычно же умный человек в таких ситуациях предпочитает “не связываться”, то есть не быть руководителем). Поэтому практически целесообразней иметь у власти человека волевого и сильного, хотя и проигрывающего в уме.

* * *

Интеллект основан на *прошлом* опыте, который при всем его богатстве всегда *ограничен* и поэтому далеко не всегда адекватен меняющейся (движущейся) реальности. К тому же он реализует себя в *сложившихся* словах. Действие же всегда актуализировано, ибо связано с текучей, открытой, неисчерпаемой и меняющейся реальностью, ее смутными образами. Поэтому оно всегда

богаче интеллекта по своему предметному содержанию, которое хоть и не лежит на поверхности, но латентно несет в себе новую (возникшую) существенную связь, способную в конечном счете стать достоянием интеллекта.

* * *

Действие — открыто. Интеллект — закрыт. Иными словами, действие аналогично открытой системе, в которую заносит сквозняком движущейся действительности все новую и новую информацию, в то время как интеллект напоминает закрытую систему, ибо тезаурус нашего понятийного мышления, сколь бы велик он ни был, в конечном счете всегда ограничен *определенными* понятиями с их *определенной* полисемией, то есть закрыт. Отсюда жизненные преимущества действия перед интеллектом. Оно сообщает сознанию (психике) новые импульсы, вызывает новые эмоции, всплески новых реакций, которые лишь *впоследствии*, по прошествии определенного времени и при его повторяемости, приобретают новую знаковую форму и закрепляются в человеческой голове, в рассудке.

* * *

Технология “перехода” действия в интеллект в самом упрощенном виде может характеризоваться такой схемой:

Переходное состояние между первым и вторым этапами хорошо описано Виктором Гюго: *“Слова неудобны именно тем, что очертания их резче, чем контуры мысли. Не имея четких контуров, мысли зачастую сливаются друг с другом; слова — иное дело. Поэтому какая-то смутная часть нашей души всегда ускользает от слов. Слово имеет границы, у мысли их нет”*. Конечно, в данном случае писатель имеет в виду “мысли-образы”, “смутные” и хрупкие, неустоявшиеся мысли, их фрагменты-эфемериды. Жизнь полнее и богаче рефлектирующих ее слов: *“мысль изреченная есть ложь”* (Ф. Гюгчев).

* * *

Односторонность действия, не сопровождаемого логическим расчетом и выбором, довольно часто оказывается элементарной глупостью.

* * *

Никогда не давайте дураку умных советов. Воспользовавшись ими, он наделает массу страшных и непоправимых глупостей.

* * *

Глупость всегда деятельна, потому что деятельность по своей природе глупа. Деятельный характер глупости объясняет тот кажущийся парадоксальным факт, что в обществе чаще всего, во все времена истории верховодят дураки.

* * *

Далее (эта же мысль о деятельном характере глупости): глупая деятельность, которая в определенные исторические времена господствует в обществе, отвращает от себя рассудок, интеллект, которые вынуждены в себе самом моделировать идеальными средствами разумную деятельность. Создается противоречие между *глупой деятельностью и разумной “бездеятельностью”*, решаемое в конце концов переходом интеллекта в разумное действие. Лишь тогда, когда на основе отражения глупой (стихийной и т.д.) деятельности (действия) интеллект вырабатывает законченную модель нового, разумного действия, происходит этот скачок — от сферы идей к их актуализации. И только в этот период дураки перестают верховодить в обществе.

Заключительный аккорд: прогрессирующая человечность?

Широко известная концепция *ноосферы* Владимира Вернадского еще не осмыслена в должной мере учеными вообще и социологами в частности. Основываясь на эмпирических данных естествознания, эта концепция то вспыхивает в сплеске внимания к ней, то затухает на периферии духовно-научной жизни человечества, занятого своими первостепенными и неотложными делами. Но процесс глобализации, планетарной интеграции и связанные с этим тревоги мировой общественности в отношении своего экологического будущего все чаще возвращают нас к решению проблем космических масштабов, в связи с чем концепция ноосферы из общенаучной, естественнонаучной превращается в общественно-научную, социологическую концепцию.

В начале прошлого века В.Вернадский писал: “Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс — *всех и каждого* — и *свободной мысли* определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера””¹. Кратко системологическую концепцию В.Вернадского можно представить следующим образом: геологическая поверхность нашей планеты с некоторых пор покрыта “живым веществом”, определяющим химическую структуру ее верхних и средних слоев (“Гранитная оболочка Земли есть область былых биосфер”); в настоящее время происходит процесс перехода от биосферы к ноосфере; процессы, происходящие в биосфере, а в перспективе — и в ноосфере, имеют и впредь будут иметь эволюционный характер (“Эволюционный процесс присущ только живому веществу. В косном веществе нашей планеты нет его проявлений”). Мощь человечества, по В.Вернадскому, “связана не с его материей, но с его мозгом, его разумом и направленным этим разумом его трудом”.

Нетрудно заметить, что социально-историческую и естественно-планетарную судьбу человечества В.Вернадский связывает с *интеллектом* (“разумом”) и *действием* (преобразующим природу и самое человечество, “трудом”). Как естествоиспытатель и, в определенной мере, как философ он очертил в своей концепции только круг тех вопросов, которые касались “геохимического пространства Земли” и эволюционного характера его развития. Что касается *внутреннего, социально-человеческого механизма* превращения биосферы в ноосферу, то он ограничился здесь, во-первых, указанием на *разум* и *труд* в качестве движущих сил этого превращения и, во-вторых, попыткой вычленив наиболее активные стороны, составляющие этих сил: рост и усиление единства человечества; кардинальное преобразование средств связи и обмена (“телекоммуникаций”); открытие и изобретение новых источников энергии; подъем благосостояния трудящихся; социальное и этническое равенство всех людей. Как видим, наряду с прогрессом *производительной* мощи разума и труда человека (а в существовании такого прогресса ученый не сомневался: “Раз достигнутый уровень мозга (центральной нервной системы) в достигнутой эволюции не идет уже вспять, только вперед”) В.Вернадский в качестве необходимых механизмов возникновения и развития ноосферы полагает сугубо *социальные* факторы эволюционирующего человечества — *подъем благосостояния людей* и их *равенство*.

Казалось бы, ресурс социологических и социально-психологических доводов в пользу состоятельности своей концепции ноосферы В.Вернадский исчерпал. Но пылкий ум ученого не мог не остановиться перед одной весьма существенной для него загадкой. “...Впервые человек становится *крупнейшей геологической силой*, — писал ученый. — Он может и должен пе-

¹ Само понятие *ноосфера* было предложено философом-бергсонианцем Е.Ле-Руа в 1920 году (но предложено, однако, после прослушивания лекций В.Вернадского в Сорбонне) и приобрело популярность после того, как В.Вернадский ввел его в научный обиход.

рестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше... Здесь перед нами встала новая загадка. *Мысль не есть форма энергии* (!!! — Е.С.). Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен”. В этом пункте развития своей концепции ноосферы В.Вернадский удивительно сблизился с положением Э.Дюркгейма о том, что мысль и движение (действие) являются противоположностями, антагонистами: *мысль не есть реальное движение (действие) = мысль не есть форма энергии*.

Здесь-то как раз и представляется мне уместным сделать некоторые выводы из приведенных выше фрагментов и цитированных положений, основываясь на концепции ноосферы и тех социально-экономических категориях, которые в последние годы все чаще стали употребляться в общественных науках, в частности в социологии — “интеллектуализация труда”, “интеллектуализация производства”, “интеллектуальная собственность”. Если в человеческом обществе действительно наблюдается *интеллектуализация* всех сфер его жизнедеятельности, “прогресс разума” — а это становится общеизвестным фактом, — то есть все основания полагать, что главные свойства, особенности интеллекта как “идеально продолженного действия”, “задержания”, “остановленного действия”, “имитации действия” неизбежно влияют и в перспективе все больше будут влиять на социальный образ жизни людей, их поведение, на всю атрибутику их пестрой и многогранной жизни. Рассматривая интеллект, с одной стороны, как тормозную доминанту, как “остановленное” в познавательном процессе действие и, с другой стороны, как идеальное преддействие и последствие, вплетающиеся в осмысленные и целенаправленные реально преобразующие действия (прежде всего — в труд), можно извлечь из этих тонкостей диалектического единства предположение о двух возможных направлениях развития человеческого общества.

Первое предположение, делающее акцент на приоритетной роли в этом развитии *интеллекта* и на *антагонизме* его с действием, состоит в том, что непримиримый по отношению к действию (внешней действительности) интеллект либо игнорирует и впредь будет игнорировать действие, либо умело “обходит” и впредь будет “обходить” те действия, которые представляют угрозу для человека. К сказанному нелишне добавить, что интеллектуальный прогресс *увеличивает масштабы* опасностей и рисков, поскольку создает реальную возможность превращения научных схем и проектов в глобальную катастрофу. Поэтому человек благодаря совершенствующемуся интеллекту все чаще будет “проигрывать” в своей голове самые жестокие, самые опасные для него ситуации с тем, чтобы обойти, миновать их, и будет “проигрывать” их, как правило, легко и безопасно, без ущерба для своей жизни и жизни близких ему людей: ведь между *реальным пагубным действием* и его *идеальной имитацией* колоссальная разница! Но, “проигрывая” в катарсисе эти жестокие и бесчеловечные варианты, интеллект будет стремиться найти такие, которые были бы в своем реальном проявлении в конечном счете безопасны и выигрышны для него, а в лучших, благоприятных условиях — и для других людей. И таким образом самые страшные, практически нежелательные действия становятся их безобидной идеальной имитацией, остаются в форме их “промежуточного” проигрывания и не допускаются интеллектом до их осуществления — так происходит (или произой-

дет), согласно этому предположению, гуманизация социально-исторической практики интеллектуализирующегося человечества. Институциональный коллективный разум в лице различных правомочных международных организаций предотвращает крупномасштабные конфликты и столкновения, и сказанные в порядке шутки слова одного из современных французских социологов о том, что *“грядущие битвы будут происходить в коридорах, а не на баррикадах, и течь будут меморандумы, а не кровь”*, заставляют призадуматься над их глубоким смыслом.

Поскольку *интеллект* находится в резкой оппозиции по отношению к *действию*, становится понятно известное неприятие его субъектом войн, революций и социальных конфликтов, которые он (интеллект) склонен считать результатом “иррациональности” рефлекторных действий, проявлением слепых биологических сил и перед которыми нередко пасует. Важную роль тут, конечно, играют не сами по себе социальные конфликты (которые вряд ли когда-либо исчезнут), а *способы их разрешения*. С естественнонаучной точки зрения осмыслить феномен войны пытался В.Вернадский. О Второй мировой войне он написал: “В истории человечества и биосферы вообще война такой мощности, длительности и силы — *небывалое явление* (началась она, по мнению В.Вернадского, на Дальнем Востоке в 1931 году. — *Е.С.*) ... С точки зрения натуралиста (а думаю, и историка) можно и должно рассматривать исторические явления такой мощности как единый большой *геологический*, а не только исторический процесс”. Чтобы подобного рода тектоника, особенно в век ядерного оружия, не погубила планету, не привела к глобальной катастрофе, закономерной и предотвращающей ее реакцией на подобного рода возможность является логика *человеческого разума, интеллекта*. Чем больше в историческом процессе происходит кумуляция интеллектуальных начал, тем меньше возможности концентрации противоположных им безрассудных силовых действий, войны. Именно под воздействием интеллектуальных начал в этом случае происходит постепенное “угасание” действия, его “перерастание” в имитированные идеальные действия не только в человеческой голове, но и на игровых экранах компьютеров, телевизоров, в анонимном (или виртуальном) общении “нетизенов”, “граждан планеты” в “киберсоциуме” или в “киберкоммуникативном пространстве”. Возникшее недавно понятие *виртуальной реальности* является продолженным в идеальной форме, “обезопасненным” анонимным действием, результатом угасающего действия: *одна форма смерти человечества заменяется другой*, когда на смену концентрированному и разрушительному действию мировой ядерной войны приходят угасание в пассивном интеллекте реальных человеческих действий и вызванные им ремиссионные процессы в обществе. Смерть в данном случае может означать естественное угасание человечества в его закономерной старости. Если, как известно, онтогенез повторяет в существенных чертах филогенез, то он “повторяет” и то, что еще не наступило, но по логике вещей должно наступить, — фазу постарения, нисходящего развития. Иными словами, на основании онтогенетических свойств отдельного человеческого организма можно (и правомерно) прогнозировать характер будущих фаз или этапов развития всей человеческой популяции — *старение человечества* со всеми признаками этого закономерного процесса — ограниченностью физической активности, умеренностью в желаниях и потребностях, склонностью ко всепрощению и доброте,

созерцательной мудростью. Общество как бы приостанавливается в своем поступательном движении, и начинается его распад. Безусловно, процесс старения и постепенного угасания рода человеческого будет иметь (или может иметь) свои филогенетические особенности, отнюдь не исключаяющие состояния молодости, активности и действенности в онтогенетическом плане. Этот процесс может длиться тысячи или миллионы лет, но он будет (если *будет!*) отмечен печатью угасания в доброте, справедливости и человечности, ибо старость заботится не об эгоистических прихотях своей брэнности, а о смиренной альтруистической духовности — о том единственном, что остается неотъемлемым и не поддающимся разрушительным силам старения¹. И в этом смысле интеллект выступает *механизмом планетарной энтропии*.

Второе предположение о возможном направлении развития человеческого общества предполагает акцент на приоритетной роли в этом развитии *действия* и на его органическом *единстве с интеллектом*. Это позиция научной диалектики. Интеллект и действие при всем их кардинальном различии и антагонизме неразрывно друг с другом связаны — они взаимополагают, взаимодополняют и взаимопроникают друг в друга. Антагонизм этих начал заметно сказывается только в те периоды человеческой истории, когда действие *противится интеллекту*, не сразу и не вдруг отзывается на его императивы и становится ему подвластным лишь по прошествии длительного времени. Именно в этот период “непослушания”, “неподвластности” и “отсрочки” действия интеллект нередко замыкается на самом себе (доминанта интровертности), идет в обход через массу промежуточных и опосредствующих действий, порождая при этом “эффект Буриданова осла” и сословие праздномыслящей обывательски запуганной интеллигенции. Отсюда и те крайности, которые подрывают жизненные функции интеллигента (достоевщина, некоторые экзистенциалистские концепции и установки, известные “страх”, “пессимизм” и “осторожность”). Тут следует подчеркнуть, что в период человеческой “предыстории” интеллект не столь всемогущ, чтобы подчинить себе действие². Поэтому его слабость и те перекосы, которым он подвержен в этот “предысторический” период, вполне объяснимы. Ситуация, однако, меняется, когда кумуляция практических достижений интеллекта (НТР, НТП, “технологические революции”, “информатизация” и т. д.) резко ограничивает объем рефлекторных физических действий и подчиняет их себе. Современное человечество, в котором все еще имеют место “невидимая рука рынка” и “промысел господний”, то есть стихийные процессы, не достигло уровня полного (относительно полного, ибо абсолютной полноты быть не может) подчинения действия интеллекту, но уже стоит на пороге такого подчинения. Рациональность интеллектуальных требований к человеческим действиям прихо-

¹ Весьма любопытно, что в XVI–XVII веках на должность правителя Венеции (дожа) Совет десяти избирал человека не менее 75-летнего возраста, то есть того возраста, когда правитель более беспокоился о своей “душе”, а не о пагубных прихотях тела, когда он менее всего стремился к уже не нужному ему богатству и нечестным способам его приобретения.

² Это положение великолепно отражено в символической картине М. Чюрлёниса “Человек”: черный его силуэт на черном фоне враждебного и не подвластного ему мира со слабым светящимся венчиком мысли над головой.

дит в общество не вследствие *понимания*, логического *осмысления* необходимости радикального изменения социальной практики, образа жизни, наконец, существующих общественных отношений, а вследствие *реальной невозможности их продолжения*. Чреватый гибелью планеты глобальный экологический кризис, вызванный небывало возросшей, чрезмерной и утратившей свой конструктивный смысл товарной экспансией на природный мир, а также невозможность для частнособственнического способа производства превращать в товар увеличивающуюся в масштабах “информационную продукцию” (вследствие репликационной ее природы и не поддающейся никаким юридическим ограничениям ее легкой, всем доступной тиражируемости) — это именно та объективная реальность, которая *заставит* — пусть даже ценой революционных потрясений — действия определенных социальных групп и классов подчиниться совокупному общественному разуму.

Итак, если при первом возможном направлении развития человеческого общества интеллект *приспосабливает* его к тем или иным ситуациям, “обходит”, “уходит в сторону” или “отступает”, то при втором — он *преобразует* и взрывается крупномасштабным действием. Если при первом он *смиряется* со своей “судьбой”, уходит в себя, отстраняется от действия, то при втором, — останавливаясь перед непроходимым препятствием, решает вопрос не о том как его “обойти”, а как его *сломать*. При первом возможном направлении развития общества действие поглощается интеллектом, угасает в нем, обнаруживает свою *энтропийную природу*, при втором — оно обогащается интеллектом, перманентно то затухает, то воспламеняется с новой силой и, в конце концов, протягивает руку дружбы человеческому рассудку. Если в первом случае речь может идти о *реабилитации* природной среды вследствие “затухания” совокупного действия, то во втором — о ее активной системной *реконструкции*. Если первое направление означает неизбежность старения человеческого рода и появление симптомов его “угасания”, смертельного исхода, то второе — переход от “предыстории” человечества с его биологическим субстратом к “подлинной истории” с преобразованием физиолого-соматического субстрата человека и практическим решением проблемы индивидуальной иммортальности (долголетия человека). Во всех случаях, в каких бы возможных направлениях ни двигалось человеческое общество, интеллект берет на себя тяжесть и сложность преодоления непроходимых коллизий и ситуаций на его пути, тем самым облегчая участь личности, группы, общества. И в этом — все возрастающая *человечность* его социальной миссии.

Соотносительность интеллекта с реальным действием в контексте социальной жизни общества позволяет говорить о *социологии интеллекта*. Но, возможно, это искусственная привязка: такой отрасли социологической науки может и не быть. Важнее другое. Распахнутая дверь науки позволяет сегодня входить в предметный мир интеллектуальной деятельности представителям различных специализаций человеческого знания — геологам и биологам, метеорологам и геофизикам, логикам и кибернетикам, антропологам и этнографам, медикам и психологам, историкам, социологам, экономистам и, конечно же, философам. Перечень специальностей можно было бы продолжить. Но интегрирующую роль в познании природы, сущности и ролевого содержания интеллекта как продукта социального образа жизни человечества и как механизма его функционирования могут сыграть только социология и социальная философия.